

Идол козла отпущения

Механика сакрального: как государство становится богом. Размышления на тему статьи Андрея Кордочкина о борьбе с сатанизмом*

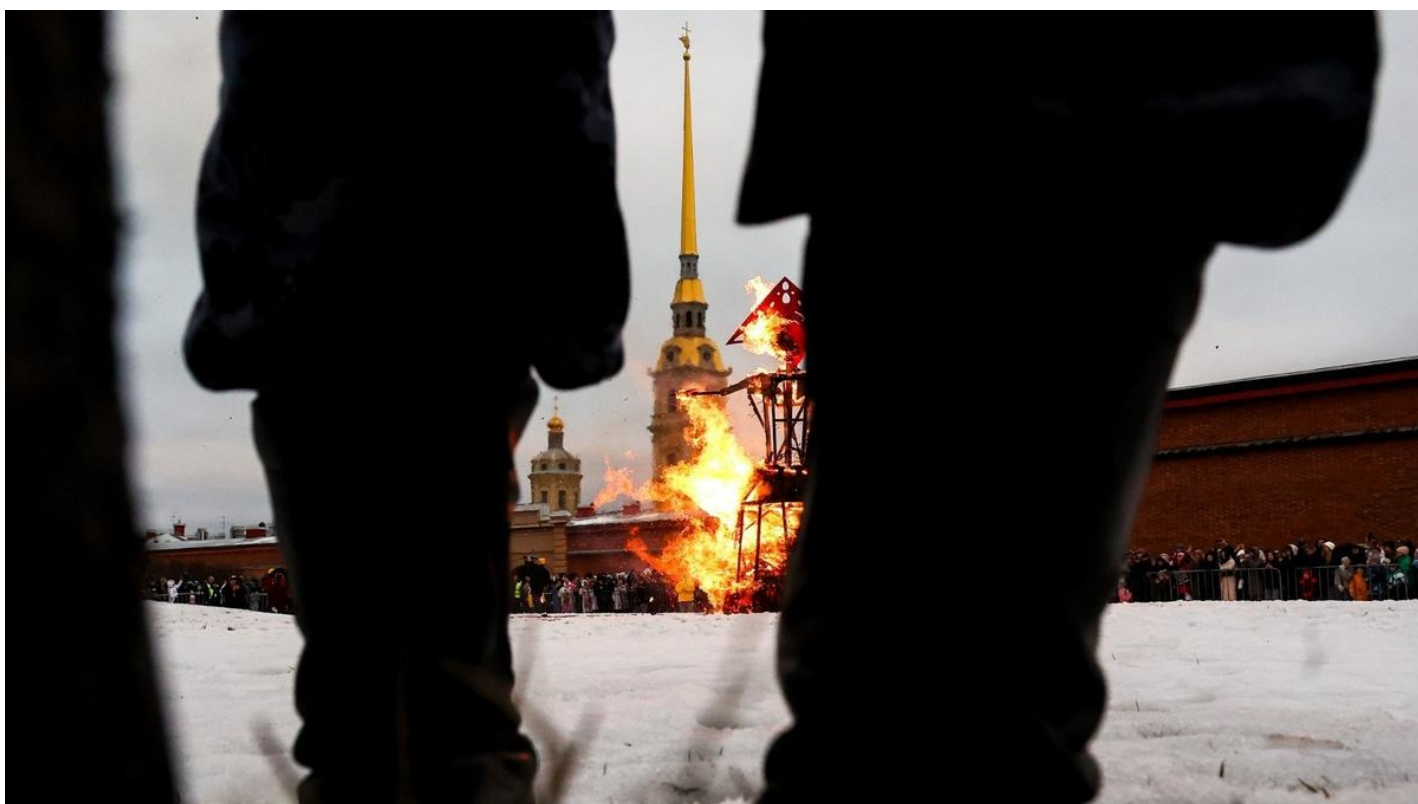

Фото: Петр Ковалев / ТАСС

15:31, 28 июля 2025,

Алексей Семенов-Труайя

социолог

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На прошлой неделе мы **опубликовали** колонку протоиерея Андрея Кордочкина о внезапно развернутой российским государством борьбе с «сатанизмом»*, который Верховный суд РФ признал экстремистским и запрещенным в стране движением. Кто в него входит, будут ли теперь сажать за празднование Хэллоуина, гражданам традиционно разъяснять не стали (так уже было и с запретом ЛГБТ*). Полемическая колонка отца Андрея вызвала отклик социолога Алексея Семенова-Труайя — о том, как попытка государства даровать бессмертие уничтожает это самое государство.

Текст протоиерея Андрея Кордочкина о борьбе с сатанизмом — это редкий случай, когда богослов предлагает точную социологическую диагностику общественных процессов. Его наблюдения о превращении государства в объект поклонения и расширительной трактовке экстремизма раскрывают глубинные механизмы легитимации власти через создание сакральных символов и демонизацию противников.

Расширяющиеся понятия и их судьба

Феномен постепенного расширения базовых юридических понятий до полной утраты их первоначального смысла имеет давние корни. В поздней Римской империи обвинения в «оскорблении величества» (*laesa majestas*) постепенно распространились с реальной измены на любые действия, которые можно было истолковать как неуважение к императору. К концу III века под это определение попадали уже неудачные шутки придворных и недостаточно восторженные отзывы о принцессе.

Кордочкин наблюдает тот же процесс: «Слово «экстремизм» сегодня напоминает то ли примитивное язычество, то ли

детскую игру: человек есть тот, кем ты его назвал, а потом сам человек исчезает, и остается уже одно название». Когда экстремизмом объявляется перевод Библии, выполненный свидетелями Иеговы*, или деятельность наблюдателей за выборами, само понятие теряет связь с первоначальным смыслом и превращается в инструмент административного произвола.

В социальной термодинамике такое расширение репрессивных категорий означает резкое повышение социального давления при одновременном сжатии объема легальной активности. Система вынуждена постоянно искать новые объекты для применения расширяющихся запретов, что создает эффект социальной неопределенности — никто не может быть уверен, что его деятельность завтра не будет переквалифицирована.

Когда власть становится божеством

Процесс превращения политической власти в объект религиозного поклонения воспроизводится в разных эпохах с удивительным постоянством. Император Диоклетиан ввел церемониал поклонения своей особе, заимствованный из персидских традиций. Подданные должны были падать ниц перед правителем и целовать край его одежды. Эта практика символически превращала императора из первого среди равных в божественную фигуру, стоящую над человеческим сообществом.

Современные формы сакрализации власти, которые описывает Кордочкин, используют иную символику, но следуют той же логике. Когда Александр Проханов заявляет: «Пускай все наши русские люди... знают, та Родина, в которой мы живем, бессмертна. И они пусть упиваются этим ощущением, зная, что если Родина бессмертна, то и они тоже бессмертны», — перед нами прямое приписывание государству божественных атрибутов.

Фото: Семен Васильев / Коммерсантъ

Владимир Путин, подхватывая эту риторику, развивает тему «бессмертия русского народа и России», связывая его с «победами нашей страны». Здесь государство прямо объявляется источником вечной жизни — классическая форма политической теологии. Граждане приглашаются не просто поддерживать власть, но «упиваться» причастностью к ней как к источнику трансцендентного смысла.

Формула тотального поглощения

Протоиерей Александр Шмеман раскрывает механизм полного растворения личности в государстве: «Мы говорим за вас, от вас и вам, потому что мы и есть вы... Безраздельно подчиняясь нам, вы всего лишь исполняете свое желание. Ибо не забудьте, мы — это и есть вы».

Эта формула обнажает ключевой парадокс тоталитарного сознания: система объявляет принуждение — свободой, а подчинение — самореализацией. В термодинамических терминах это попытка создать состояние, при котором социальная температура (активность граждан) остается нулевой, но при этом давление (контроль) максимальным, а объем (пространство свободы) стремится к нулю.

Подобные попытки в прошлом всегда оказывались неустойчивыми.

Римская империя времен домината, построенная на сакрализации императорской власти и тотальном контроле, просуществовала дольше принципата, но в конечном итоге рухнула под весом собственных противоречий.

Поддержание сакрального образа власти требовало все больших ресурсов, а пространство для социальной инициативы сжималось до критических размеров.

Борьба с идолами порождает идолов

Кордочкин обнажает центральный парадокс происходящего: «Раз мы против сатанизма — очевидного, кристаллизованного зла, то, значит, мы и есть очевидное, кристаллизованное добро». Система, объявляющая себя защитником от идолопоклонства, сама превращается в идола.

Этот механизм детально изучен антропологами в архаических обществах. Жертвоприношение как способ очистить сообщество от скверны неизбежно сакрализует тех, кто совершает ритуал. Постепенно жрецы начинают

восприниматься как обладатели особой связи с божественным, что дает им власть над остальными членами сообщества.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Современная борьба с абстрактными угрозами работает по той же схеме. Объявляя себя защитниками от сатанизма, представители власти присваивают себе роль медиаторов между добром и злом. Это автоматически ставит их в позицию морального превосходства над остальным обществом и оправдывает любые репрессивные меры как духовно необходимые.

Экстремизм любви

Особенно важна цитата Мартина Лютера Кинга о том, что «все трое были распяты за одно и то же преступление — преступление экстремизма»: «Двое были экстремистами в безнравственности и, таким образом, опустились ниже своего

окружения. Другой,

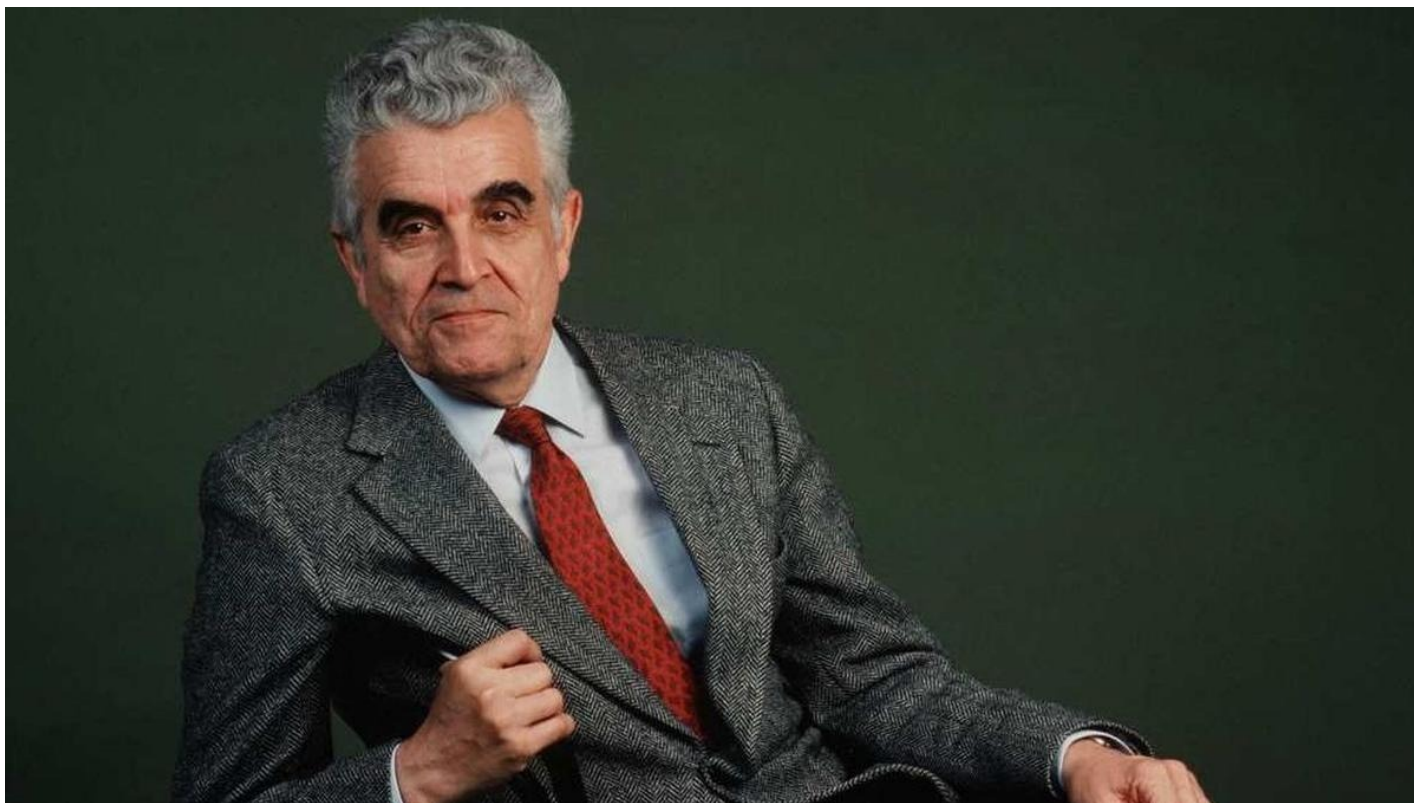
Иисус Христос, был экстремистом за любовь, истину и доброту и тем самым возвысился над своим окружением».

Эта цитата раскрывает фундаментальную проблему любой репрессивной системы: она неизбежно объявляет экстремизмом именно те качества, которые составляют основу человеческого достоинства. Когда система начинает бороться с независимостью мысли, состраданием к слабым и стремлением к справедливости, она обнаруживает свою античеловеческую природу.

В социальной термодинамике это означает критическое повышение внутреннего давления системы. Попытка подавить базовые человеческие потребности в свободе совести и моральном выборе создает колоссальное напряжение, которое рано или поздно найдет выход в неконтролируемых формах.

Архаический механизм сплочения

Французский антрополог Рене Жирар описал механизм козла отпущения как основу архаического социального порядка. Сообщество сплочается вокруг изгнания или уничтожения того, кого оно объявляет источником всех бед. Этот процесс временно снимает внутренние противоречия, но требует постоянного поиска новых жертв.

Рене Жирар. Фото: архив

Современная борьба с экстремизмом во многом воспроизводит эту архаическую схему.

Общество приглашается сплотиться вокруг отрицания абстрактного зла, что позволяет не решать конкретные проблемы.

Система, основанная на негативной легитимации, термодинамически неустойчива. Она вынуждена постоянно повышать социальную температуру через поиск новых врагов, что ведет к эскалации репрессий и сужению пространства легальной активности. В конечном итоге под определение экстремизма может попасть любое проявление независимости.

Управление деградирует до символов

За выбором архаических методов легитимации стоит более глубокая проблема — деградация управленческих технологий.

Когда система не способна решать реальные проблемы граждан, она вынуждена переключать общественное внимание на символическую борьбу с абстрактными угрозами.

В поздней Византии,

когда империя теряла территории и экономическое могущество, основное внимание элит сосредоточилось на богословских спорах об иконах и природе Христа. Реальные проблемы — военная слабость, финансовый кризис, коррупция — отступали на второй план перед вопросами ортодоксии.

Пока граждане нуждаются в качественной медицине, образовании и справедливом правосудии, система концентрируется на борьбе с сатанизмом и неправильными переводами Библии. Это не случайный выбор приоритетов, а закономерное следствие управленческой неспособности решать сложные задачи.

Путь сакрализации

Системы, основанные на сакрализации власти и демонизации альтернатив, эволюционируют в сторону все большей ригидности. Повышение социального давления при сжатии объема свобод неизбежно ведет к снижению социальной температуры — общество становится пассивным и апатичным.

Но такое состояние крайне неустойчиво. Римская империя, Византия, абсолютистские монархии Европы — все эти

системы, построенные на тотальном контроле и сакрализации власти, либо взрывались в результате социальных потрясений, либо медленно деградировали до полной неспособности решать базовые задачи управления. Процесс сакрализации власти уже зашел достаточно далеко.

Когда представители системы всерьез говорят о том, что государство дарует бессмертие, а граждане должны этим «упиваться», перед нами классические признаки политической теологии архаического типа.

Остается открытым вопрос: сможет ли система вовремя осознать опасность такого пути и найти способы снижения социального давления, или процесс пойдет так далеко, что фазовый переход станет неизбежным. Опыт прошлого подсказывает: чем глубже система погружается в архаическую логику сакрализации власти, тем труднее ей найти выход к рациональным формам управления.

* Признано экстремистским и запрещено в РФ.